

Взятый Перемышль.

(От нашего корреспондента).

Перемышль — один из наиболее значительных городов Галиции. Календарь 1915 года указывает в нем почти 56 тыс. жителей, из которых 24 тыс. поляков, 20 тыс. евреев и 12 тыс. разных других национальностей, преимущественно славян; имень в город немного. Все эти цифры не касаются гарнизона, бывшего всегда, даже в мирное время, многотысячным. Таким образом, по числу жителей, Перемышль занимает 20-е место среди городов Австро-Венгрии и 11-е — среди городов собственно Австрии. За последние десятилетия Перемышль обстроился; в нем теперь — знаменитый и поместительный городской театр, несколько больших собственных зданий, учебных заведений, промышленных национальных товариществ и банков, ряд домов в современном стиле; есть свой музей, поместительный в «замке». Сзади старина сохранилась в остатках старинных, чуть ли не средневековых каменных укреплений, в нескольких монументальных костелах — монастырях и в здании «замка» (прочесть арестованного, кажется, в XVIII в.), красиво вписывающемся холму, на которой выстроена главная часть Перемышля.

Основная артерия города — улица Мицкевича; проложенная в сравнительно новой части города, она обставлена новыми, высокими домами, на ней — лучшие магазины, кафе, рестораны, по ее концу уже выводит почти за город, к железнодорожным складам и пустырям. Напротив, своим началом улица Мицкевича примыкает к центральной, более старой части Перемышля, где шире и краше другие улицы Францисканская, средоточие местной торговли, пестрящая вывесками старинных, почтенных фирм. Тотчас за Францисканской улицей начинается обычное еврейское гетто, грязное, с кривыми, перепутанными переулками. Все это расположено приблизительно на одном уровне; по середине перемышленского холма. Ниже лежит приречная часть города, с хорошими набережными и вереницами огромных, многостаянных домов. Выше — улица особняков и частных квартир, где выскли уже рдья и троттуары большей частью пусты. С Францисканской улицы, мимо двух костелов, изгибистая улица, переходящая в мощеную аллею, ведет задвгами к «замку», на выс холма, откуда открывается великолп-

ный вид на бурный Сань, на зарчные кварталы и на холмистую даль, переходящую в плоскую равнину северной Галиции.

Наибольшее оживление царит всегда на Францисканской и на впадающих в нее переулках, где снуют торговцы и дльовые люди, и на улице Мицкевича, по которой планируют местные поголики и франты, — в том числе офицеры сдавагося гарнизона. Здесь дьколько больших «цукерен», в которых поляки так любят коротать досуг: обширные комнаты, вмещающие несколько сот человек, в глубинь — бильярдная, на первом плане — буфет, за которым какая-нибудь миловидная «паня» отпускает посетителям пирожны. Перед второй осадой Перемышль опусть было, так как весьма многие (говорят, около трети всех жителей) бжали из него. в Краков и в Вьну. Но теперь, когда крпость сдалась, город опять наполнился австрийскими и русскими военными из состава гарнизона и наших полков, вошедших в Перемышль. Глядя на переполненные кафе, на кейфумицких там часами австрийских офицеров, на постоянное движение гуляющих, среди которых большинство идет попарно, кавалер с дамой, можно подумать, что и чины гарнизона, и жители города сбиты вознаграждать себя за тяжкие дни осады...

Однако, сколько можно судить по рассказам, Перемышль и во время осады вовсе не был мьстом одной скорби, трудов и лишений. Укрепления, как мь случалось упоминать, отстоят от города на 7—8 верст и болге; поэтому бомбардировка не касалась города; русские снаряды осыпали форты, но ни один дом в город не был ими разрушен; только в два последних дни, когда нам удалось утвердить батарею ближе к городу, несколько гранат уало в городскую черть. К русским аэропланам жители скоро привыкли, да и все признают, что наши летчики держали себя крайне благородно: старались бросать бомбы в железнодорожные сооружения, в здания военно-общественного характера, но отнюдь не в частные дома. Население Перемышля слушало отдаленную канонаду как что-то не мьющее к ним прилого отношения. Большинство вбрило, что крпость непреступна, что появления наших войск в город бояться нечего и что дльо сводится к болге или менге продолжительной осаде, в зависимости от того, когда подоспдет на выручку карпатская армия.

Правда, Перемышль был изоли-

рован от всего мира, но и эту изолированность не должно преувеличивать. Современная техника дает в руки осажденным такие средства для сношения с вьшней жизнью, о которых не могли мечтать не только трое-не время злополучного царя Приама, но даже парижане, запертые в своей столице в 1870—1871 гг. Важнейшим из таких средств является беспроволочный телеграф. Благодаря ему перемышляне могли знать все, что совершается в Европ вь их города. Я просматривал номера газет, выходящих в Перемышль во время осады, и убдился, что в Перемышль были хорошо осведомлены о всех событиях войны: часто попадаются слово в слово те же сообщения, что мы читали в наших газетах. Вторым мощным средством сношения служили аэропланы. Хотя большое число аэропланов, летвших в Перемышль и из Перемышля, было подобно нашим войскам, все-же перемышляне с помощью летчиков поддерживали почти регулярные сношения с Вьной и с карпатской армией. Раза два в неделю попадали в город даже вбские газеты, впрочем служившие для чтения только высшим чинам армии.

Много писалось об ужасах голода, свирпствовавшего в Перемышль. Сопоставляя все, что мь пришлось об этом слышать от лиц, переживших осаду, я прихожу к выводу, что и эти рассказы преувеличены. Разумеется, лишенный подвоза...

Перемышль постепенно поощал еобранью в нем запасы. Но осада длилась сравнительно недолгое время, так что придти к концу запасы не успли. Только одно было истреблено совершенно: это — мясо. Пришлось замнить говядину и свинину, — до которой поляки такие охотники, — кониной; но этой поспдней было в избытке, так что перед сдачей приваено было пристрельть сколько-то тысяч лошадей. Хлеб выпекался до последнего дня, но был очень дорог: за маленькую булочку платили 30 геллеров (10 коп.), т. е. вдесятеро против ее обычной цны. Крупы в город было много, и в день сдачи тысячи мшков ее были утоплены в Сань. Жители жаловались на отсутствие дров. Между тем весь крпостной район покрыт старым хлсом, который мог дать запас топлива на много мьсцев. Часть деревьев даже была уже срублена и без уд-

ребления лежала по склонам холмов... Вообще за время осажденном Перемышль можно было достать почти все. Голодали только немущие. Для них была организована бесплатная раздача обдвов, но число имбющих на них право было ограничено, и получение их было связано с различными затруднительными формальностями. Таким образом, население осажденного города раздилось на две части: на людей богатых, которые жили почти «как ни в чем не бывало», только должны были не жалеть денег, и на бднников, которые дьствительно герйли всякого рода нужду и лишения.

Замчательно однако, что количество денег, находящихся в обращении в Перемышль, с каждым днем замтно сокращалось. Так как лишь незначительная часть их могла уходить за пределы города, то надо предположить, что ловкие люди их припрятавали, «на всякий случай». Прежде всего быстро сократилось число разменной монеты; в магазинах отказывались давать сдачу и требовали, чтобы покупатель брал товар на всю предъявляемую им бумажку. Потом опустли копеечки у всех, но имвших большого запаса наличных денег; жалованья не выдавали; банки не олицивали текущих счетов. Тогда — то, для менге имущих слоев населения, «установилась», как сообщает телеграмма «Петроградского Агентства», — система натурального хозяйства; продукты первой необходимости обмивались на такие же посправедливой расцнбк. Вбрие сказать, бдники несли лавочникам свое добро, которое те принимали за безценок в обмен на хлеб, сахар, муку, сало... Мь случилось бесфдовать, в Перемышль с одной бдной женщиной, которая жаловалась, что так она пердала в лавку, «в залог», чуть не все свое имущество, притом по такой расцнбк товаров, что всегда получала лишь крохи, а оказалась должна лавочнику значительную сумму денег. Эта женщина спрашивала меня, не вьшается ли русская власть в ростовщические продьки торговцев, но в горяи о том, что все это произошло до занятия города нашей армией, на разбор подобных недоразумий пришлось бы потратить мьсцы драгоценного времени...

Пока бдники несли на себя все бремя осады, люди состоятельные искали развлечения. Театр хотя и не каждый день, но функционировал (играла труппа любителей). До сих пор на сцене в Перемышль можно видеть стары театральны афиши, относящиеся ко дням осады. На них помечено:

«Цны понижены». Устраивались концерты «в пользу вдов и сирот павших воинов», как гласит сообщение в газет («Ziemia Przemyska»), следовательно, платные, причем рецензент отмьчает, что зала была «набита до краев», т. е. переполнена. В некоторые дни на площади играла военная музыка: это было уже развлечение демократическое. К числу развлечений перемышляне относились прогулки в сторону фортов. Горожанам не разрешалось уходить из города далеко черты первых укреплений. По на этом пространстве были небольшие холмы, с которых, хотя смутно, можно было различить русские позиции. Жители города в ясные дни ходили «любоваться дымами разрывающихся иранелей и слушать гул пальбы. Много, вброятно, раздавалось при этом всеох шуток по поводу чистых уеил русских, которым все равно никогда не удастся попасть в вождельный для них Перемышль! Обольщение в непреступности крпости парило в населении до самых последних дней осады.

Остается добавить, что, по общему признанию, во дни осады чрезвычайно развились в город фларты и всякого рода романы. Это — психологическое явление, наблюдающееся во всех осажденных, отрбзанных от остального мира городах. Его отмьчают, например, бытописатели парижской осады 1870—1871 гг.

Влияет ли так изолированность города, одиобразие жизни, сознание грозной опасности, в случае взятия крпости, и желание использовать оставшиеся дни свободы, или еще какие факторы, — трудно сказать. Во всяком случае, в осажденном Перемышль легко и быстро завязывались и распутывались романы. Женщины, в обычное время самых строгих нравов, внезапно проявляли крайнюю легкомысленность. Мужчины, без труда, могли хвалиться несчетными «побьдами», — увли не паде русским оружием. Это «вольные» времяпрепровожденья нськолько скрашивало все-же томительные дельи насильственного отьединения от мира.

Почему же сдалась крпость? Можно рьшительно утверждать, что недостаток провизии — не болге, как отговорка, придуманная австрийцами. Конечно, австрийский генеральный штаб глубоко виноват, заперев в крпости несобранно большую гарнизон (дв армия, общей численностью до 170,000 человек) и не снабдив его достаточным запасом провизии. Видовато и австрийское интенданство, на-

полнившее иные склады Перемышля лишь «для вида»: спереди в амбарах стояли полные ящики, а в глубинь — пустые (так рассказывали в Ярославь). И все-таки с наличным количеством запасов крпость могла держаться гораздо дольше. С самого начала можно было уменьшить пайки солдатам и офицерам; между тем последние все время получали полное «шницевое довольствие». В крпости оставались еще тысячи лошадей, годных в нину.

Все увьряют, что перед сдачей в Сань было потоплено нськолько тысяч мшков сь разными продуктами, например, сь крупой. Что в крпости был запас артиллерийских снарядов, служить доказательством и бесмысленный, чудовщный обстрель последнего утра, когда было сблано много тысяч выстрелов (сь единственной цью истребить снаряды), и груды гранат, также броненных в рьку, и, наконец, все-таки доставшиеся нам склады их... Наконец, обладая огромным количеством штыков, комендант безусловно мог бы предпринять гораздо болге существенны дьствия против наших войск обложения, как известно, не слишком многочисленных и амвших в своем составе добровольческие дружины, менге подготовленные к бою, нежели регулярные полки.

Если комендант крпости, генерал Кусманек, не сблал всех этих штыков, не захоть бороться до последнего солдата и до последнего куска хлеба, то объясняется это прежде всего глубокой дезорганизацией австрийской армии. Пльные из Перемышля служить тому живым свидетельством. Разговаривая с пльными, постоянно слышши, как солдаты жалуются на офицеров, бранят их, обвиняют во всякого рода незаконных дьствиях, увьряют, что офицеры еберегали запасы продовольствия для себя, заставляли солдат голодать; слышши, как офицеры, несмотря на свою сдержанность, не могут удержаться от пареканий друг на друга и на штаб коменданта; слышши, как славяне не вбряющей в своих начальников, раздвтенной на партии и на враждующи национальности, немислмо было оборотить крпость против единой, сплоченной русской армии. Говорят, что в последние дни участилось дезерирство из гарнизона; что его солдаты перестали дознаваться офице-

рам; многие без разрешения уходили с фортов в город и зьсь, сь угрозами оружием, отнимали съетные припасы у горожан; комендант приговаривал виновных к разстрелью, но смертных приговоров шго не хоть исполнять, и т. д. Наконец, утверждают рьшительно, что цьяне полки отказались идти по приказанию коменданта в последнюю отчаянную вылазку, имбвную цью пробиться сквозь «жельзное кольцо» русского обложения. Славяне погнали на вылазку силой; мадьяры пошли охотой; те и другие были разстреляны и прогнаны обратно. Тогда генерал Кусманек понял, что надо сдаваться. Была потеряна и надежда на прорыв, и надежда на помощь карпатской армии. Промедление легко могло повести к бунту гарнизона; чтобы избежать такого позора, комендант предпочел сдать.

Обстоятельства, при которых совершилась сдача, уже были оисаны многими. Нчью австрийцы взорвали крпостные форты, пять мостов в город (из них три через Сань), испортили орудия, извели запасы снарядов на беспорядочную пальбу, застрелили оставшихся лошадей, потопили в рьк оставшийся провизия, а также груды оружия, винтовок, револьверов, и т. п. В русском лагерь гром взрывов со стороны Перемышля был встречен неописуемым энтузиазмом; солдаты кричали «ура», бжали к австрийским укреплениям, не зная, что дльать от радости. В 5 час. утра выехали из крпости парламентеры для выработки условий сдачи. Жители города в это время были в величайшей тревоге. Газетные сообщения изображали русских солдат, особенно казаков, какими-то дикарями; перемышляне ждали от них всяких неадекватных, думали, что город будет предан огню и мечу, разграблен... Когда сдача состоялась и первая колонна русских войск вошла в город, онь нашли его как бы вымершим. Жители поирятались в домах, вывезли бьлые флаги и выставили в окнах иконы. Однако население пришлось убдиться, что оно ошиблось.

Мь довелось быть в Перемышль через три дни после сдачи. За этот короткий промежуток времени исчезла почти все сьды осады. Город амьл почти нормальный, почти обычный вид, и трудно было даже повьрять, как-никак, весьма тяжелые дни.

Валерий Брюсов.

19-го марта.